

Христианское понимание банковского процента

Торгашин Роман Александрович

кандидат экономических наук, директор «Радио ВЕРА»,

студент Московской духовной академии

roman@torgashin.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7245-4366>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Торгашин Р. А. Христианское понимание банковского процента // Богослов. 2026. № 1 (9). С. 69–83. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.9.1.003

АННОТАЦИЯ Публикация продолжает серию работ автора, посвященных проблематике христианского осмысления некоторых аспектов современной экономической теории. На основе библейского текста, решений Соборов и трудов святых отцов рассматриваются нравственные аспекты существования банковского процента, его опасности, риски для общества и личности, вопросы его регулирования в контексте задач современного государственного строительства России. Через призму библейских текстов, святоотеческого наследия и канонического права автор указывает на нравственную нейтральность денег как инструмента, обозначая в том числе их роль в осуществлении милостыни и жертвенности. Проблема ростовщического процента анализируется с точки зрения справедливости, рисков эксплуатации бедных и опасности развития сребролюбия для самого заимодавца. В статье делается вывод об отсутствии в Священном Писании абсолютного запрета на процент для мирян, однако указывается на аналогию с неизбирательным оружием или наркотиками, обосновывается необходимость выработки на основе православной этики механизмов государственного регулирования финансовой сферы для предотвращения дисбаланса перераспределения добавленной стоимости в экономике. Поднимается проблема экономической и религиозной свободы в связи с отказом от обращения наличных денег.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деньги, финансы, банковский процент, ростовщичество, христианская этика, сребролюбие, справедливость, инфляция, анонимность расчетов

Статья поступила в редакцию 14.02.2026,
принята к публикации 25.02.2026.

Б

ытует представление о том, что деньги — зло, а банковский процент — форма прямо запрещенного Библией ростовщичества. Поскольку теория денег и кредита¹ как предметная область была заимствована из западной экономической науки, существование в России основанной на ней банковской системы сеет среди церковного народа многие смущения — впрочем, банковскими услугами все равно неизбежно пользуются практически все категории граждан. Картину усугубляют периодические финансовые кризисы и скандалы, банкротства, мошенничества с различными производными финансовыми инструментами, а также высокие показатели прибыльности банковской системы, которые часто имеют место на фоне кризисов в реальных секторах производства и услуг, в том числе указывающие на спекулятивный характер изъятия добавленной стоимости из промышленности в пользу финансового сектора.

Попытку разобраться с ключевыми положениями финансовой теории уместно начать с теории денег. Опуская все версии теории денег, существовавшие в прошлом, будет корректно апеллировать к ней на уровне современного общего понимания, опираясь на ее основные постулаты.

Итак, деньги — это особый товар, который выполняет в экономике несколько функций:

- мера стоимости;
- средство обращения;
- средство платежа;
- средство сбережения/накопления.

Функцию мировых денег пока что оставим в стороне. Среди многих свойств денег в качестве ключевых можно выделить:

- условно абсолютную ликвидность;
- выражение стоимости денег как товара в ростовщическом проценте;
- непостоянную стоимость денег, то есть подверженность денег инфляции (обесцениванию), а иногда и дефляции.

Любые изобретения человечества, создающие удобство, повышающие эффективность и т.д., ведут не только к созданию

¹ См., например: *Розанова Н. М.* Теория денег и кредита: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.

новых благ и реализации добродетелей, но умножают и злодеяния, если используются злонамеренно. Деньги точно так же, как нож или компьютер, можно отнести к нравственно нейтральным инструментам, которые открыли новую эру не только для умножения благ, но и для умножения пороков.

С появлением денег и уходом от натурального обмена первые две функции денег (мера стоимости и средство обращения) фактически позволили отделять результаты труда от их владельцев. Это не только повысило эффективность и удобство товарообмена, но и породило более «эффективные» формы обмана, грабежа, эксплуатации и мошенничества. По мере того как развивались денежные и финансовые инструменты, развивались и формы экономических злоупотреблений с их использованием. Именно эффективность денег как орудия сребролюбия и других грехов породила упомянутое отношение к ним как ко злу. Однако ни в Священном Писании, ни в святоотеческой традиции мы не встречаем подобного отношения к деньгам. Более того, обращаясь ко времени российской буржуазной индустриализации второй половины XIX — начала XX веков, мы можем увидеть, как Оптинская духовная сокровищница, отзываясь на духовные вызовы времени, устами своих старцев давала множество мудрых наставлений по денежным вопросам, след которых очевидно прослеживается и в современных церковных документах по этой теме. Так, преподобный Амвросий Оптинский писал: «Деньги сами по себе или, вернее, по цели, назначенной от Бога, вещь весьма полезная. Они заменяют недостаток простоты и любви между людьми. Без денег кто бы расчел людей? Были бы вечные споры и ссоры и даже драки до убийства, а малыми монетами и даже ничтожными бумажками люди от всего этого избавляются, сами не понимая того. Вред не от денег, а от безрассудной жадности или скупости, или от злоупотребления. Пользуясь употреблением денег правильно, и будешь покойна»².

Памятуя о силе денежного «рычага» для пороков, важно не забывать, что в силу своих функций деньги дают нам

² Преподобные оптинские старцы Амвросий и Антоний: Наставления пословицами и поговорками, духовные поучения и размышления. М.: Изд-во Сретенского монастыря; Сестричество свт. Петра, митр. Московского, 2003.

возможность максимально простого проявления любви к Богу и людям. Денежная жертва, являясь эквивалентом нашего труда, позволяет почти моментально посвятить любой его объем Богу, причем в той форме, которая будет одариваемому наиболее необходима. Образно говоря, деньги как инструмент перераспределения стоимости прекрасно справляются и с функцией «перераспределения любви».

Более того, деньги, обладая анонимностью, позволяют христианину просто реализовать одну из важнейших заповедей самого Христа о тайне милостыни: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного... когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:1–4).

Этот аспект затрагивает одну из актуальных тем сегодняшней повестки всеобщей цифровизации денежной системы. Под лозунгами борьбы с преступностью, терроризмом, налоговыми злоупотреблениями и т.д. финансовые власти многих государств все больше выступают за фактическую деанонимизацию всех финансовых транзакций. В последние десятилетия фактически уничтожена банковская тайна, а это значит, что все безналичные расчеты, которые и раньше не были в полном смысле анонимными, стали прозрачными для правительств и операторов «больших данных». Последние все чаще используют технологии искусственного интеллекта, а это значит, что человек, будучи прозрачен в своей жизни на уровне финансовых транзакций, становится уязвим к манипуляциям не только для человеческих финансовых институтов, но и для систем искусственного интеллекта. Церковь, в лице официальных представителей заявляя о необходимости сохранения наличного денежного оборота или обязательности иной формы обеспечения действительной (а не мнимой) анонимности расчетов, встает на защиту не только религиозной свободы своих чад, но и на защиту свободы как таковой³.

³ Патриарх Кирилл отметил опасность отказа от наличности // РИА Новости. 07.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180107/1512218695.html>.

Обозначив нравственную нейтральность денег и важность сохранения анонимности денежных транзакций, коснемся проблемы ростовщического процента.

Связанный с ростовщичеством грех лихоимства, как и многие другие грехи, несет двусторонние губительные последствия и для ближнего, который здесь становится жертвой чужой корысти, и для самого лихоимца, возгревающего в себе пагубную страсть. Писание содержит древний запрет: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост» (Втор. 23:19). При этом, конечно, важно помнить и оговорку из следующего стиха: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (Втор. 23:20). То есть даже самый первый запрет не сформулирован абсолютно и, очевидно, обращен к внешнему аспекту ростовщичества как действию против ближнего. Этот же аспект виден и в Книге Левит: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтоб он жил с тобою; не бери от него роста и прибыли и бойся Бога твоего; [Я Господь,] чтоб жил брат твой с тобою (Лев. 25:35–36)». Здесь запрет снова обусловлен бедностью заемщика и добрососедством.

Но уже Книга пророка Иезекииля обращается к внутреннему аспекту, то есть к влиянию ростовщичества на самого заимодавца. В числе качеств праведника мы видим следующее: «В рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит правильный» (Иез. 18:8). При этом как обличение греха звучит: «Взятки берут у тебя, чтобы проливать кровь; ты берешь рост и лихву и усилием вымогаешь корысть у ближнего твоего, а Меня забыл, говорит Господь Бог» (Иез. 22:12). Примечательно указание на связь греха лихоимства с забвением Бога.

В Новом Завете мы не находим прямых обличений ростовщичества, но находим замечания относительно греха сребролюбия. Необходимо, конечно, помнить слова Молитвы Господней о прощении должников, так как эти слова, обращенные к иудеям, конечно же, воспринимались современниками в контексте ветхозаветных установлений о заимствованиях

и условиях их прощения. Если для нас они имеют переносный смысл, то для слушателей Спасителя эта фраза могла иметь многослойный контекст, в том числе связанный и с буквальным смыслом, применимым к экономическим отношениям.

Древняя церковная практика устанавливает запрет на ростовщичество только для клириков. Ряд канонов содержат этот запрет⁴:

- 44-е апостольское правило: «Епископ, пресвитер или диакон, требующий проценты от должников, пусть или прекратит делать это, или будет извержен»;
- 17-е правило I Вселенского собора: «Поскольку многие причисленные к клиру, движимые любостыжанием и лихоимством, забыли Божественное Писание, говорящее: „Серебра своего не давал в рост“ (Пс. 14:5), и, давая в долг, требуют сотых, то святой и великий Собор судил: если окажется, что кто-либо после этого определения взимает лихву с данного займа, или иным образом устраивает это дело, или требует половинного роста, или вообще измышляет что-либо иное ради постыдной наживы, то да будет извержен из клира и исключен из чина клириков»;
- 10-е правило VI Вселенского собора: «Епископ, или пресвитер, или диакон, взимающий проценты или так называемые сотые, пусть или прекратит, или будет извержен»;
- 4-е правило Лаодикийского собора: «Священнослужители не должны давать в рост и получать проценты и так называемый половинный рост»;
- 5-е правило Карфагенского собора: «Страсть алчности, которая, вне всякого сомнения, является матерью всех пороков, должно сдерживать, так чтобы никто не пользовался чужим и ради прибытка не преступал определения отцов и чтобы никакому клирику никоим образом не было позволено от какой бы то ни было вещи получать рост». Здесь мы четко видим, что запрет этот сфокусирован как раз на внутреннем аспекте ростовщичества ради ограничения развития греха сребролюбия против себя самого.

⁴ Цит. по: Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т. Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2019.

Обратим также внимание на слово свт. Григория Нисского «Против ростовщиков». Обозначая социальный аспект проблемы, он говорит ростовщику: «По бедности он молит тебя и сидит у дверей твоих; по недостатку прибегает к тебе, богачу, чтобы ты был для него помощником в нужде. Ты же делаешь противное; из союзника становишься неприятелем, ибо не содействуешь ему, чтобы он и от належащей нужды освободился, и возвратил тебе данное взаймы, но умножаешь несчастья угнетенного горем, раздеваешь нагого, еще более язвишь уязвленного, к заботам прибавляешь заботы и к печалям печали. Ибо берущий деньги с тем, чтобы отдать их с лихвою, берет залог бедности, в образ в благодеяния, вводя пагубу в дом свой. Как тот, кто горячешному, палимому жаром, одержимому сильнейшею жаждою и усиленно просящему пить, дает как будто из человеколюбия вино, хотя доставляет на малое время удовольствие тому, кто берет чашу, но по прошествии небольшого времени причиняет болящему больший и вдесятеро сильнейший жар; так и ссужающий бедного деньгами, кои приносят рост, не прекращает нужду, но усиливает несчастье»⁵.

Следует обратить внимание также на «потребительский» аспект заимствований, который ярко описал свт. Василий Великий: «Братъ в заем — начало лжи, случай к неблагодарности, вероломству, клятвопреступлению». И далее: «Мы, бедные, отличаемся от богатых одним — свободой от забот: наслаждаясь сном, смеемся над их бессонными ночами, не зная беспокойств и будучи свободны, смеемся над тем, что они всегда связаны и озабочены. А должник — и беден, и обременен беспокойствами. Не спит он ночью, не спит и днем; во всякое время задумчив, оценивая то свое собственное имущество, то великолепные дома и поля богачей, одежды мимоходящих, домашнюю утварь угощающих. „Если бы это было мое, — говорит он, — я продал бы за такую и такую-то цену и тем освободился бы от платежа роста“. Это и ночью лежит у него на сердце, и днем занимает его мысли. Если стукнешь в дверь, должник прячется под кровать. Вбежал кто-нибудь скоро, у него забилося сердце. Залаял пес, а он обливается потом, томится предсмертной

⁵ Григорий Нисский, свт. Против ростовщиков // Творения святого Григория Нисского. М.: тип. В. Готье, 1868. Ч. 7. С. 457–473.

мукой и высматривает, куда бежать. Когда наступает срок, заботливо придумывает, что солгать, какой изобрести предлог и чем отделаться от займодавца»⁶.

Прежде чем перейти к современному пониманию денег, укажем мнение Фомы Аквинского. Примечательно заглавие 78-го вопроса 8-го тома его «Суммы теологии»: «О грехах, совершаемых при ссудах [а именно] о грехе ростовщичества». Со всеми оговорками о католицизме и об однозначном помещении ростовщичества в категорию греха уже в заголовке, процитируем его суждение на этот счет: «Брат ростовщический процент за данные займы деньги несправедливо само по себе, поскольку это означает продавать то, чего не существует, что, со своей стороны, приводит к неравенству, которое противно правосудности»⁷. При этом любопытно его рассуждение там же о заимствовании, как мы сказали бы сейчас, капитальных благ: «Например, один человек может передать свой дом в собственность другому и при этом сохранить за собою право в течение какого-то времени пользоваться им, или наоборот, он может предоставить другому право пользоваться домом и при этом сохранить его в своей собственности. Таким образом, человек может законно назначить цену за использование своего дома и при этом впоследствии вернуть этот дом себе, как это имеет место в случае аренды и найма дома. Но деньги, как говорит Философ, были изобретены в первую очередь ради обмена, следовательно, главным и надлежащим использованием денег является их потребление или отчуждение, посредством которого они участвуют в обмене. Следовательно, по самой их природе брать плату за использование предоставленных денег, каковая плата известна как ростовщический процент, незаконно, и подобно тому, как человек обязан воздавать за другие несправедливо приобретенные блага, точно так же он обязан возвращать те деньги, которые он получил за ростовщичество». А далее там же читаем о законности претензий займодавца на плату за свой риск: «Дающий деньги займы предоставляет заемщику право собственности на эти деньги. Следовательно,

⁶ Симфония по творениям святителя Василия Великого. М.: ДАРЬ, 2008.

⁷ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 47–122.* М., 2013.

заемщик принимает на себя все связанные с деньгами риски вкпе с обязательством вернуть их в полном объеме, и потому кредитор не вправе требовать от него что-либо сверх этого. С другой стороны, тот, кто вверяет свои деньги торговцу или ремесленнику и образует вместе с ним своего рода сообщество, не предоставляет ему эти деньги в собственность, но сохраняет их за собой, так что в той торговле, в которой использует эти деньги торговец, или в том ремесле, в котором их использует ремесленник, есть и его риски, и потому он вправе требовать от него ту часть полученной от его денег прибыли, которая принадлежит ему по закону».

В Новое время стоит обратить внимание на суждения свт. Тихона Задонского. Опираясь на Священное Писание, он формулирует предельно строгое отношение к ростовщичеству: «Хотя многие лихвы или процента грехом не считают, однако это есть или вымысел сребролюбивых сердец, которые совесть свою грызущую таким образом стараются утешить и страсть сребролюбия оставить не хотят; или признак того, что не внимают святому Божиему Слову и знать о том не хотят; или того, что лихва вошла в обычай, который так ослепляет душевные очи, что человек греха своего и от того пагубы своей не видит. Но кто как хочет, так пусть и рассуждает, однако многие и несомненные доводы показывают, что лихва или процент есть дело незаконное и грех тяжкий, как в следующих словах будет показано»⁸. И далее следуют отсылки к текстам Священного Писания с формулировкой десяти доводов для указания на лихву как на грех. Свяtitель особенно акцентирует внимание на аспектах справедливости в отношениях заимодавца и должника. Среди семи обязанностей дающего заем уже в другой работе об обязанностях каждого христианина он со всей категоричностью пишет: «Между великими грехами полагается процент или лихва...»⁹.

Здесь важно сделать несколько оговорок с позиции современной теории денег. Все указанные рассуждения были сделаны до «открытия» экономической наукой явления инфляции.

⁸ Тихон Задонский, свт. Об истинном христианстве. М.: Профиздат, 2003. Кн. 1. гл. 9. § 118. О лихве и проценте.

⁹ Он же. Наставления о личных обязанностях каждого христианина. М.: Типография № 6, 1998.

Это не значит, что во времена Византии, где деньги представляли из себя подлинную золотую и серебряную монету, не существовало инфляции. Хотя первые достоверные сведения об инфляции золота и серебра мы имеем с XVI в. в связи с Великими географическими открытиями, инфляция, а точнее подорожание тех или иных товаров по отношению к монетарным драгметаллам, теоретически не была исключена и в Древнем мире. Однако неизбежным явлением инфляция стала с уходом мировой экономики от золотого стандарта и переходом к денежным системам на основе количественной теории денег. С учетом инфляции любой беспроцентный заем фактически становится формой убытка для заимодавца и прибыли для заемщика. А поскольку произошло это по меркам истории совсем недавно, в начале XX в., то никакой выработанной и оформленной святоотеческой позиции насчет этики современных кредитных отношений мы, очевидно, не имеем. Потому остается использовать добродетель рассуждения в решении этой этической задачи.

Важно отметить и тот момент, что процент используется в современных финансах и как количественный показатель в системах оценки рисков. В этом качестве он уже частично, а иногда и полностью оторван от ростовщичества как такового. Процент часто используется и для шкалы альтернативной стоимости капитала в моделях и транзакциях, не связанных с прямыми заимствованиями у экономических агентов. Эти роли процента остались за скобками данной статьи, но сделанные нравственные выводы можно применять и к ним.

Подводя итог, можно заключить следующее:

- Библия не содержит прямого и однозначного запрета на ростовщичество.
- Святые отцы указывают на социальную опасность ростовщичества с точки зрения эксплуатации нужд бедных в угоду сребролюбию богатых, то есть как на форму несправедливого перераспределения благ, а также на опасность ростовщичества в качестве «топлива» сребролюбия для самого заимодавца.
- Церковь запретила ростовщичество для духовенства, наряду с другими ограничениями в хозяйственной, профессиональной и семейной жизни. При этом

соборного запрета на ростовщичество для мирян установлено не было.

- Существует большое количество частных суждений, в том числе высказанных прославленными святыми, о ростовщичестве в условиях «доинфляционной» экономики, однако эти суждения не имеют универсального характера.

Банковский процент в современном мире является нравственно нейтральным инструментом, но гораздо более опасным, чем другие, в связи с чем, подобно неизбирательному оружию или наркотику, требует особых нравственных усилий и ограничений в своей общественной реализации. Очевидно, по этой причине во всех финансово суверенных странах банковское дело и значимые финансовые операции лицензируются или иным образом находятся в сфере пристального государственного контроля. В связи с этим уместно задаться вопросом: как обстоит дело в социальных реалиях XXI в.? Многие христиане (и даже религиозные организации) открывают счета в банках с начислением процентов на остаток, пользуются кредитными продуктами вместо сбережений для приобретения недоступных им благ. При этом банки взимают различные виды платы за осуществление расчетных услуг, таким образом, намерение владельца денежных средств их сохранить, а также пользоваться услугами расчетов без получения банковского депозитного процента будет означать лишь частичную потерю этих средств. Расчетные банковские услуги в силу скорости и удобства ни у кого не вызывают особых этических споров и дискуссий.

Дальше чуть сложнее... Банки и крупные финансовые институты по сути являются учреждениями по торговле деньгами: они покупают их дешево, насколько позволяет рынок, у обладателей свободных денег и продают максимально дорого своим заемщикам или инвестируют в различные прямые и производные финансовые инструменты. При этом они балансируют риски, соблюдая определенные рыночные правила и ограничения государства по их контролю (например, по диверсификации и резервированию). На уровне задач корпоративного управления, часто не имея «защиты от лихоимства» на уровне политики корпоративной социальной ответственности, они стараются максимизировать эффект своих вложений с помощью

множества банковских продуктов и финансовых инструментов, что часто приводит к спекулятивному изъятию добавленной стоимости из других отраслей экономики и несправедливому накоплению ее в финансовой отрасли. В дальнейшем это ведет к перетоку собственности с образованием вокруг банков и финансовых институтов финансово-промышленных групп и даже классической, по Ленину, финансовой олигархии, с последующими социальными эффектами на уровне вмешательства в государственное управление и формирования различных институтов «глубинного государства».

На уровне розничного сектора мы часто видим безответственную погоню банков и особенно микрофинансовых организаций за заемщиками, без учета их реального качества и подлинных социальных потребностей, по вышеприведенному слову свт. Григория, получая умножение «несчастия угнетенных горем». Кроме того, вокруг деятельности этих организаций существует множество криминальных мошеннических схем; при этом правоохранные органы зачастую расписываются в своей бессилии в борьбе с ними, а сами организации не считают своим долгом защищать своих обманутых заемщиков.

Иными словами, современная финансовая система, как и многие эффективные человеческие изобретения, является не только поставщиком многих благ, но и рычагом-усилителем человеческих пороков, главным образом сребролюбия, а часто и средством порабощения отдельных людей и даже целых народов в международной плоскости. То есть можно говорить, что в каком-то смысле мы получили мощные институционализированные структуры профессионального лихоимства, не обремененные никакими нравственными ограничениями. Более того, в некоторых профессиональных кругах нравственные ограничения воспринимаются как уязвимость с точки зрения конкуренции и вызывают осуждение, как если бы кто-то стал говорить о целомудрии в сообществе профессиональных блудниц.

В контексте обращения России к традиционным ценностям все чаще можно услышать в адрес финансовой системы укоризненные отсылки к «исламскому банкингу» и к упомянутой разнице 19-го и 20-го стихов 23-й главы Второзакония. Но даже без этого совершенно очевидно, что строительство

суверенной российской банковской системы в консервативной общественной парадигме требует суверенного нравственного консенсуса вокруг регулирования финансовой сферы, основанного именно на православном понимании. Видится, что данный консенсус может и должен предполагать сложнейшие общественные или государственные механизмы ограничения «профессионального лихоимства», обеспечивающие справедливые условия перераспределения ценности между отраслями при сохранении экономических стимулов развития для всех секторов экономики, а также механизмы защиты бедных и финансово необразованных слоев населения от нравственно и экономически неприемлемой долговой нагрузки.

Необходимо сформировать и проработать суверенный научный аппарат регулирования финансовой сферы, согласованный с христианской нравственностью, который вооружит наших финансистов конкурентными преимуществами «целомудрия» против собрания финансовых «блудников» всего мира. Важно показать, что нравственное лидерство в сфере финансов — не за «исламским банкингом» глобального Юга, а за современной православной финансовой этикой, которой должна быть вооружена Россия. Такой научный аппарат и нравственный консенсус помогут решить как стратегические задачи государственного экономического строительства¹⁰, так и текущие острые экономико-политические дискуссии: об уровне учетной ставки, о границах государственного регулирования и государственного участия в тех или иных отраслях и сферах, о судьбе госкорпораций и малого бизнеса, об ответе на внешние санкции, о работе зарубежных компаний на нашем пространстве и многих других вопросах.

¹⁰ В том числе сформулированные в Указе Президента РФ № 809 от 9.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

ЛИТЕРАТУРА

Григорий Нисский, свят. Против ростовщиков // Творения святого Григория Нисского. М.: тип. В. Готье, 1868. Ч. 7. С. 457–473.

Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т. Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2019.

Преподобные оптинские старцы Амвросий и Антоний: Наставления пословицами и поговорками, духовные поучения и размышления. М.: Изд-во Сретенского монастыря; Сестричество свят. Петра, митр. Московского, 2003.

Розанова Н. М. Теория денег и кредита: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.

Симфония по творениям святителя Василия Великого. М.: ДАРЪ, 2008.

Тихон Задонский, свят. Об истинном христианстве. М.: Профиздат, 2003.

Тихон Задонский, свят. Наставления о личных обязанностях каждого христианина. М.: Типография № 6, 1998.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. СПС Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 19.09.2025).

Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122. М., 2013.

A Christian Perspective on Bank Interest

Torgashin Roman A.

PhD, “Radio Faith” Chairman and Director,
Student at the Moscow Theological Academy
roman@torgashin.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7245-4366>

FOR CITATION: *Torgashin R. A. A Christian Perspective on Bank Interest // Bogoslov. 2026. № 1 (9). P. 69–83. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.9.1.003*

ABSTRACT This article continues a series of publications devoted to the Christian understanding of modern economic theory. Drawing on Biblical texts, conciliar decrees, and the writings of the Church Fathers, the author examines the moral aspects of bank interest, its inherent risks to society and individuals, and the challenges facing the modern Russian state regarding its regulation. From the perspective of Holy Scripture, patristic heritage, and canon law, the article emphasizes the moral neutrality of money as a tool, including its role in almsgiving and sacrifice. The problem of usury is analyzed through the lens of social justice, the exploitation of the poor, and the spiritual danger of avarice for the lender. The author concludes that while Holy Scripture contains no absolute prohibition on interest for the laity, it suggests an analogy with weapons of mass destruction or narcotics. Furthermore, the article substantiates the need for state regulation of the financial sector based on Orthodox ethics to prevent the unfair redistribution of surplus value and to protect the vulnerable. Finally, the issue of economic and religious freedom is addressed in the context of restrictions on cash circulation.

KEYWORDS: money, finance, bank interest, usury, Christian ethics, love of money, justice, inflation, transaction anonymity

The article was submitted 14.02.2026,
accepted for publication 25.02.2026.